

С. А. КОЗИН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДА МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСА О ГЕСЕРЕ

С выходом в свет второго тома Гесериады в научный оборот впервые войдет полный свод этого замечательного памятника монгольского эпического творчества. Об этом теперь можно с уверенностью говорить на том основании, что монгольская народная традиция о двенадцатипесенном составе памятника в полной мере подтверждается тщательным изучением рукописных фондов свода: ранее в фонде насчитывали пятнадцать песен, из коих две песни считались утраченными или еще не открытыми, а ныне здесь же обнаружены при детальном анализе текстов.

Необходимо также отметить, что Институт востоковедения нашей Академии располагает уникальными рукописями для второй части свода монгольского эпоса о Гесере. По этим именно рукописям выполнен русский перевод текстов второго тома Гесериады, и они же вместе с манускриптами и ксилографическим Пекинским изданием 1716 г. (первые семь песен) составляют содержание третьего и последнего тома работы над памятником.

Издание «Сокровенного Сказания» в год двадцатилетней юбилейной даты Монгольской Народной Республики и ожидаемый выпуск Гесериады к двадцатипятилетию (июль 1946 г.) союзной и братской республики должны быть памятниками культурного сотрудничества и братства народов, как миссия Советского государства и советской науки.

В целом свод эпоса о Гесере составляет не менее сорока печатных листов одного лишь монгольского текста, и те, кто трудится над переводами с восточных языков, засвидетельствуют, что с моей стороны не было бы лицемерием считать себя удовлетворенным уже тем, что выполнены две задачи: выбран и, путем полного текстологического раскрытия, включен в сокровищницу мировой литературы наиболее характерный памятник монгольской литературы.

Однако долгие месяцы и годы, проведенные в пристальной работе над текстом, открывают исключительные возможности для наблюдений: шаг за шагом открывается весь процесс его сложения от первого до последнего камня и наконец—все творение в его замыслах, средствах и способах его воззвания к жизни, в его литературной биографии и знаменательности. В данном случае я имею, конечно, в виду не свойства наблюдателя, а только его преимущества, а также исключительные свойства памятника, обладающего классически ясными чертами своей композиции, своего языка и условиями и обстоятельствами своей литературной жизни.

При сравнительном изучении текстов первой и второй части Гесериады прежде всего с полной очевидностью обнаруживается, что, принимая литературное оформление, эти части устного народного эпоса о Гесере подверглись обработке в двух антагонистических слоях монгольского общества и что, следовательно, давно известное свидетельство жития Джанджа-Хутухты о просветительной деятельности этого буддийского иерарха, стоявшего во главе южномонгольского литературного центра, и, в частности, о деятельности его в области собирания и упорядочения народного эпоса о Гесере надобно теперь принимать именно как свиде-

тельство о факте обработки второй части эпоса о Гесере в клерикальных кругах этого литературного центра.

Сопоставление же этого факта с давно уже установленным фактом церковного запрещения первой части Гесериады, изданной в Пекине в 1716 г. при манджурском императоре Канси, вскрывает очень важное явление в жизни монгольской литературы второй половины XVII и первой половины XVIII столетия.

Мы можем говорить теперь не только о двух стилях—классическом и популярном, установленных для этого периода монгольского ренессанса покойным академиком Б. Я. Владимирцовым, но и о двух литературных направлениях этого же периода: направлении прогрессивно-демократическом и клерикально-реакционном. Оба направления имели в виду пропаганду своих идей среди широких народных масс и потому использовали популярный стиль, как наиболее близкий и к живой народной речи и к языку народного эпоса.

В основном оба направления пользовались также и одинаковыми приемами и средствами: придавая устно-народному творчеству литературную форму, они, более или менее искусно, его обрабатывали в соответствии со своими политическими интересами и литературными вкусами. Богатейший материал для этого не мог не представлять прежде всего обширный и высоко художественный национальный эпос о Гесере, включающий в себе едва ли не все виды и жанры устного творчества монгольских народов: пословицы, загадки, излюбленные формулы изречений-библиков, похвалы и плачи, боевые напутствия, клятвы верности родине и ее военным предводителям, гадания и сны, молитвы и проклятия.

Крайний предел обработки народного творчества можно показать на примере, конечно, редком, но типичном,—двойной трактовки одной и той же пословицы: «Бывает ли зной после полудня, бывает ли радость после смерти». Вариант: «Бывает зной и после полудня, бывает радость и после смерти».

В свете изложенных наблюдений получили свое полное подтверждение наши догадки о демократическом характере первой части Гесериады или ее Пекинской версии, которую мы в свое время определили по ее идеологической направленности как едкую сатиру на господствующие сословия монгольского общества эпохи литературного ренессанса и расцвета монгольского феодализма, в особенности же—на торжествующую буддийскую церковь и ее высших представителей, желтых сановников.

Это обстоятельство вызывало необходимость дополнить новыми главами введение в изучение памятника, который в полном своде своем, и именно в литературном его оформлении, не может не представлять исключительного научного интереса, позволяя в полной мере раскрыть одновременно и его народную основу, и литературную жизнь в двух различных социальных слоях монгольского общества эпохи ренессанса.

Изучение памятника в этом тройном аспекте соотношения его частей не только не снижает интереса и значения его клерикальной версии, т. е. второй части памятника, но значительно их повышает, позволяя с особой ясностью и предельной убедительностью показать его подлинное значение народной эпопеи, воспевающей народного героя, борца за социальную правду и национальное самоутверждение.

Клерикальная версия в особенности любопытна в том отношении, что в несравненно большей сохранности доводит до нас подлинные тексты народного творчества и позволяет безошибочно и легко выделить порой неуклюжие буддийские наслоения. Эти последние, по большей части, носят характер вульгарно-буддийской орнаментики и в то же время свидетельствуют об очень невысоком идейном уровне монгольского буддизма, как религии, которая осталась чуждой не только монгольским народным массам, но и многочисленному сословию монгольского духовенства, как религии наносной, неосвоенной и являющейся автоматическим

напластованием на исконно-монгольскую культовую мифологию и культовые воззрения, именуемые шаманизмом.

Замечательно, что эти следы древнемонгольского культового мифа и сопутствующих ему обрядов и магического ритуала в гораздо большей степени характерны именно для клирикальной версии памятника, нежели для его демократической версии.

Тем не менее эта буддийская орнаментика и прямые интерполяции из богатого дидактического репертуара монголо-буддийских житий в известной мере достигают своей цели: они подменяют народную мессианскую идею о пришествии народного героя, борца за социальную справедливость, за суверенитет монгольского государства идеей о теократическом царе царей, который на всей земле утверждает буддийское космополитическое государство.

Клерикальные резонеры в своем стремлении вытравить самую память о монгольской державе, самую идею о национальном государстве доходят до того, что изображают Гесера в войне с монгольским же народом за обращение его в буддийскую веру и присоединение к всемирному теократическому государству. Кое-где упоминается и Чингисхан, как непокорный еще государь «полуночной страны».

Однако отсутствие подлинного поэтического пафоса, резонерствующая вялость и напряженная литературность всех заимствований из обильной литературы скучных и уродливых буддийских житий в конце концов лишь «прахом боевым» покрывают черты героя народной правды и тем делают его еще более жизненным и привлекательным.

Такова именно мера влияния буддийской догмы на монгольский эпос, а следовательно, и на его творца—монгольские народные массы, и самый вопрос об этом влиянии теперь, пожалуй, не нуждается в дальнейшем обсуждении после того, как факты современной политической истории всех этих народов показали всему миру, как далеко от истины стояли выводы старой монголоведной школы о глубоком идейном порабощении монгольских народов буддийской доктриной.

Было бы, однако, неправильным обойти молчанием положительные стороны монастырской работы над Гесериадой. Ей мы обязаны не только бережением этого великого памятника устного творчества монгольских народов, но и внедрением в монгольскую литературу высокой лирики знаменитого творения Шангидэвэ, переведенного впервые на монгольский язык Чойджи-Одзером еще в начале XIV столетия и очень популярного в монголо-буддийских кругах. В этом отношении выделяются своей художественной обработкой общие места или эпические трафареты песен IX и XIII, которые заслуживают поэтому особого внимания историков монгольской литературы.

Старые и все еще не решенные вопросы об этническом и культовом происхождении эпоса о Гесере, о его, так сказать, этно- и культогенезе теперь также приобретают более широкую базу для разрешения.

По первому вопросу, оставляя пока в стороне иноземные влияния, необходимо принять выводы академиков Я. Шмидта и Б. Я. Владимирцова о Гесериаде, как национальном эпосе монгольских народов, основываясь теперь на широком полотне всего свода памятника, этой монгольской Илиады, развертывающей всеохватывающую картину жизни этих народов в их языке и обычаях, в их общественном и политическом строе, в семейном быте, в войне и мире, в печалях и горестях, в забавах и играх, в понятиях социально-политических и правовых, в чаяниях и надеждах народных масс.

Разрешению вопроса о культовом происхождении Гесериады, несомненно, будет способствовать наблюдающийся в настоящее время, одновременно с большим подъемом изучения народного творчества, возврат к методологической традиции знаменитого бурят-монгольского ученого Дорджи Банзарова, который содействовал объяснению многих важных явлений

культурной истории монгольских народов и их государства средствами глубокого изучения древнемонгольской культовой мифологии. Эта мифология в удивительной неприкосновенности сохранялась в его время у западных бурят и ныне доживает свои последние дни в отсталых слоях народов Советской Бурят-монгольской республики.

В настоящее время аспирантка Института востоковедения Т. К. Алексеева занята обработкой обширных фольклорных материалов из области культовой мифологии и песнопений, собранных ею в течение многих лет на родине Дорджи Банзарова. С разрешения Т. Алексеевой приведу отрывок из одного мифа, своего рода символа веры древних монголов.

Вечный мир—Цулун-Дзамби

Был высший замби и низший замби. Высший замби больше нижнего замби.

На низшем замби было четыре Счастья.

Первое Счастье вспенило-подняло море.

Второе Счастье взрастило на море Золотую Иву.

Третье Счастье выбило формы жизни.

Четвертое Счастье высекло пламя огня.

На самой основе Золотой Ивы проявилась Мать-Божество. Появилась, оглянулась и запечатлелась в форме: на самой основе Ивы Золотой Мать-Божество сотворила сына по имени Будар.

На ветвях Ивы Золотой сотворила она друга для своего сына—птицу ловчую.

Из водных пучин сотворила она кит-рыбу Абарга.

Когда на море возникли эти трое, из славы из звона морского возник Дьявол Архан-Шухтур.

Когда собрались эти четверо, стали совещаться о том, как сотворить себе Землю-Дайду: «Есть море—должно быть и дно. А раз так, принесем со дна илу и сотворим себе Землю-Дайду. Но прежде Земли-Дайду надо из пламени огня сотворить Солнце!»

Так сказали, и возникло солнце и с ним твердь небесная.

На дно морское послали Архан-Шухтура. Он отправился, но илу не принес: погнушался, поленился; только попусту до дна дошел, а погнушался, поленился.

Отправилась птица ловчая и принесла две полные лапы илу. Из этого ила Мать-Божество на хребте кит-рыбы Абарга сотворила Землю-Дайду.

Дьявол изгоняется с земли. На ней Мать создает два земных счастья, супружескую чету, от которой пошли люди, а Мать с Сыном переходит в высший замби и порождает здесь 99 небожителей, из коих старший носит имя Хан-Шюрмас (Хан Хормуста-тэнгри).

У Хана-Шюрмаса родился сын по имени Нюхата-Нюрхай. Хан-Шюрмас решил: «Когда этот сын вырастет большой, его надо будет послать в нижний мир, ибо там с востока нашим угрожает губительное нашествие чудищ в образе ос и оводов, величиною с коня, а также трехсот богатырей да трехсот хошучинов—кость у них хрящеватая, кровь тепловатая, мясо мягкое. Надобно их всех переловить железным кашканом и перебить». Итак, когда Нюхата-Нюрхай вырос, стал он собираться сойти на землю и попросил у своего отца Хан-Шюрмаса двух дядей—Хара-Цатана и Цаган-Царгана. Попросил верховых коней, сбрую, доспехи и одежды. Все это дал ему Хан-Шюрмас сполна, и он сошел на землю и здесь чудесно воплотился у бездетных старика со старухой для того, чтобы не иметь вида всемогущего: с самого появления на свет он был пачкун и плакса, отчего старик со старухой прозвали его Умхай-тарши, т. е. шелудивая голова. Через три дня он только-только помещался в шкуру трехлетней коровы, а через четыре дня только-только помещался в шкуру четырехлет-

ней коровы. А как вырос да победил Гал-Дулму-хана, так и принял имя Абай-Гесер.

Культовое ядро сказания о Гесере, развившегося в национальный эпос, а равно и его идея о явлении народного богатыря, борца с кровопийцами и насильниками, здесь выступает уже с достаточной ясностью, и можно надеяться, что дальнейшее изучение помянутых материалов приведет к особо важным результатам, если к изучению их будут привлечены живые древнемонгольские элементы Гесериады, а также так называемые шаманские фонды рукописей и ксилографов Института востоковедения, которые имеют уже научное описание.

Необходимо, однако, отметить, что дело изучения этих фондов требует исключительной осторожности и сугубо критического подхода, так как эта монгольская литература вопроса в немалой мере является, по видимому, плодом литературного творчества буддийских миссионеров, а устное предание в свою очередь не могло не подвергнуться, наряду с естественной эволюцией, также и влиянию этой литературы.

Сравнительное изучение этих фондов должно в возможной полноте раскрыть социальные корни культовых пережитков родового строя монгольских народов и тем оказать значительную помощь в деле изучения монгольского эпоса и непосредственно связанной с ним монгольской полуэпической летописи.

Современное состояние монголоведения все еще вызывает острую необходимость сосредоточения возможно больших сил на дело изучения и разработки самобытных национальных источников монгольской истории и монгольской литературы, имеющих семивековую письменную традицию и огромные фонды памятников письменности, почти не вовлеченных в мировой оборот путем издания на европейских языках. Поэтому для монголистов, может быть, в большей мере, чем для других востоковедов, обязателен завет старой востоковедной школы: переводите, переводите и переводите.

По тем же причинам и в такой же мере необходимо комплексное исследование устного и литературного творчества монгольских народов, начиная с древнемонгольского культового мифа, мифических племенных генеалогий и развивающегося на их базе эпоса; далее к комплексному исследованию должна быть привлечена и тесно связанная с мифом и эпосом монгольская летопись регионального и общегосударственного типа, равно как и литература монголо-буддийских житий.

В соответствии с таким пониманием очередных научных задач строится и предпосылаемое переводу введение в изучение памятника. Один из применяемых здесь приемов исследования заключается в сопоставлении и сравнительном анализе эпических формул-аксиом и трафаретов, его басен, символов и притч с летописными формулами и сказаниями. Такова, например, эпическая формула-трафарет: «Веру буддийскую воссиял как солнце, мирскую державу утвердил как скалу».

Этой эпической формуле соответствует летописная формула: «Буддийскую веру и мирскую державу воедино совокупил», т. е. установил двуединство светской и духовной власти.

В летописях прослеживается историческая эволюция государственной проблемы, выраженной этой формулой. Так, из колофонов Чойджи-Одзера, своего рода исторических комментариев начала XIV столетия, узнаем, что Чингисхан, «этот святой, который подчинил единой державе весь мир, повелевал чтить жертвами главу рыжих кобылиц, именуемую Чингир-хада, отчего во всем мире и нарекли его Чингисханом, не только не позволял во всем монгольском государстве возвещать учение будды, но даже изгонял со службы всех чернецов-хуваракон, которые прослушали учение о достоинствах будды».

Начальная монгольская летопись 1240 г. свидетельствует о присвоении

Тэмучину этого культового титула по инициативе главного жреца-бэки, старца Усуны; иными словами, уже при самом основании монгольского государства дело шло об установлении известного двуединства власти жреца и предводителя.

Из дальнейших лапидарных записей монгольских летописей XVIII столетия заключаем, что, в результате длительной борьбы между светской и духовной властью, при позднейших императорах в этом отношении достигнут компромисс, который и сформулирован в принципе феодального государственного права монголов: *Burhan-u sajin yirtenču-yin torü xoostaxu*. Он-то и отражен в трафаретах монгольского эпоса.

Далее, эпический фрагмент Гесериады об одном из первых подвигов юного Гесера представляет басню об истреблении народным героем полевого вредителя, оготно, который сделался величиной с вола, распахивал монгольские пастбища и тем причинял великий вред всему монгольскому кочевому народу. Этот эпизод, отражающий с полной ясностью правовые понятия монгольских кочевников о землевладении и землепользовании, может быть сопоставлен, например, с летописными показаниями о борьбе советника Чингисхана, Елюй-Чуцай, с сильной придворной партией монгольских националистов, которая требовала «вырубить» или выселить китайское земледельческое население со степных пространств к северу от реки Хуан-Хэ на том основании, что эти пространства являются исконным общественным достоянием монгольских кочевых народов и насильственно захвачены китайскими колонизаторами. Внимательное изучение вопроса вскрывает важную страницу в истории аграрной политики первых юаньских императоров и основы ее, заложенные в обычном праве монголов.

В конечном счете введение в изучение Гесериады имеет в виду первоочередную задачу—установить генетическую связь между тремя важнейшими памятниками монгольского эпоса, получившими название монгольской эпической трилогии: Сокровенное Сказание, Джангариада и Гесериада; далее—проследить связь эпоса с монгольской национальной историографией и, наконец, связь этой последней с версиями монгольского исторического предания—иранской и китайской. Иранская версия содержится в трудах придворного историографа монгольских Иль-ханов, Рашид-Эддина, а китайская—в династийной истории монгольской державы—Юань-ши.

Труды Юань-ши и Рашид-Эддина, как это теперь устанавливается, восходят к Сокровенному Сказанию и, вместе с ним, могут быть названы монгольской исторической трилогией, параллельной трилогии эпической.

Необходимым представлялось посвятить особую главу поэтическому стилю и языку Гесериады, чтобы на этом блестящем образце популярного литературного стиля, который избрал для своих лингвистических наблюдений знаменитый наш монголовед Бобровников, продолжать его наблюдения и углубить намеченные им выводы в области, например, установленного им для монгольской системы синтаксического словообразования, которое теперь называем монгольскими аналитическими конструкциями.

Равным образом я считал нелишним представить свои замечания, касающиеся стадии циклования эпоса о Гесере, о методах перевода с восточных языков, а также и замечания о некоторых параллельных чертах монгольского и русского эпоса.

Наконец, для облегчения работы над памятником, мне представлялось полезным в особой главе дать краткое изложение содержания всех песен Гесериады.

Особый интерес представляют эпические трафареты или часто повторяющиеся в различных вариантах эпические украшения (чимэг) на темы: сборы богатыря в поход, напутствия и благожелания, молитвенные воззвания перед походом, слово к бойцам перед боем, сражение, похвала богатырству, гибель богатыря и плач коня, поучения заклатья и пр., и пр.